

РИЛЬКЕ И РОССИЯ

Александр Шмореллю:
In memoriam

В Россию можно только верить.
Тютчев

24 апреля 1899 года Рильке отправляется в первое путешествие по России вместе со своей возлюбленной Лу (Луизой) Андреас-Саломэ и ее мужем. Лу была дочерью русского генерала, родилась и до девятнадцати лет жила в России, муж ее, профессор-иранист, также был российского происхождения, и сохранившиеся у них связи значительно облегчали путешественникам их пребывание в стране. Они остаются в России около двух месяцев, живут в Москве и Петербурге, посещают Толстого в Ясной Поляне. У Рильке появляются русские знакомства - Л. О. Пастернак, А. Н. Бенуа, П. Д. Эттингер, С. Н. Шиль и др. Но главным и переломным для его духовного становления было открытие им России. Несколько позже, в письме А. С. Суворину от 5 марта 1902 г., Рильке писал: "Мне не хватает слов рассказать Вам, что случилось со мною, когда я впервые увидел Москву. Все мое потерянное детство, затопленное годами тревожной и смятенной юности, вновь всплывало, как затонувший город, и когда однажды в пасхальную ночь я стоял в Кремле со свечкой в руках, а колокол Ивана Великого бил громко и гулко, мне чудилось, что я слышу сердце страны, ожидающей со дня на день своего будущего"¹.

А в 1904 году, в письме Лу из Рима, вспоминая эту же пасхальную ночь с 29 на 30 апреля (по н. с.) 1900 года, Рильке делает еще более существенное признание: "Один-единственный раз была у меня настоящая Пасха. Это было тогда, той долгой, необычайной, особенной и бурной ночью, когда всюду толпился народ, а *Иван Великий* бил, настигая меня в темноте, удар за ударом. То была моя Пасха, и я думаю, мне хватит ее на целую жизнь. В ту московскую ночь мне была торжественно подана великая весть, проникшая мне и в кровь, и в сердце. И теперь я знаю: *Христос воскрес!*"²

Только в России Рильке смог сказать себе: Христос воскрес. Более свойственно было ему представление, что христианство уводит от бесконечного, абсолютного Бога, от Его постоянного присутствия в земной жизни - Христос заслоняет Собой Бога. Как писал он в своем дневнике в октябре 1900 г., молодежь "блуждает между Христом, Мариями и святыми; она теряется среди фигур и голосов". Для поэта же самое существенное это ощущать Бога в повседневности.

Россия (он побывал в ней еще раз в 1900 г.) стала для Рильке духовной родиной потому, что здесь он остро ощутил реальность Божьего бытия. И русский народ для него не народ-"богоносец", не народ-мессия, а народ, не вовлеченный в "историю", в "незначительное", а потому способный видеть Бога в "вещах", в обыденности: "вероятно, русский для того и создан, чтобы дать истории человечества пройти мимо, а затем вступить в гармоническую слаженность вещей своим поющим сердцем" (Письмо к Лу от 15 августа 1903 г.)³. Вернувшись из России, Рильке с 23 сентября по 14 октября 1899 года пишет на вилле в берлинском предместье Шмаргендорф стихотворный сборник "Книга монашеской жизни", где от лица юного русского инока, возносящего к небу свои молитвы, хочет открыть другим путь постижения Бога: найти Его можно "смирненно проникая вещи", "братски" любя их.

Дальнейшее развитие эта тема получает в тринадцати рассказах, написанных также в Шмаргендорфе с 10 по 20 ноября того же года и опубликованных в декабре 1900 г. Цикл был объединен слегка насмешливым названием, как бы призывавшим взрослых уподобиться детям: "О Боженке и о другом; рассказал взрослым для детей Райнер Мария

Рильке"; во втором издании, 1904 г., книга получила более простое название "Истории (Рассказы) о Боженьке (Господе Боге) (Geschichten vom lieben Gott). Быстрота, с которой был создан цикл, говорит о том, насколько Рильке был поглощен своей мыслью о постоянном присутствии Бога в окружающем мире. Ощутить это дано не всем. Вослед Гофману, заносившему в разряд "окаменелых сердец" обывателей, филистеров, не способных видеть чудесное в обычном, Рильке считает, что "взрослые", поглощенные своими житейскими делами и заботами, "полые души", лишены Бога. Никто из "взрослых", за исключением матери пятерых детей и паралитика Эвальда, у рассказчика "историй" особой симпатии не вызывает: весьма ограниченные в своих взглядах, они прямая противоположность детям, улавливающим связь между мигом и вечностью, "вещью" и духом. Живя в непосредственной близости предметного мира, дети воспринимают Бога как повседневную реальность; для ребенка наперсток может стать Господом Богом, и этот обретенный ребенком Бог безусловнее Бога догм и доктрин.

Эту же непосредственную любовь к "вещам", к Божьему миру, Рильке находит и у художников, у величайшего из великих среди них - Микеланджело, которому он посвящает историю "О том, кто слышит камни", самую совершенную, на его взгляд, в его книге. Микеланджело предстает как посредник между природой и Богом, преобразующий временное в вечное, высвобождающий Бога из коснеющей материи. И все остальные истории являются, собственно, притчами, говорящими о том, что Бог находится в непосредственной близости от нас, что наше предназначение на земле эту близость угадать, почувствовать и тем споспешествовать делу Божьего творения.

Читатель без труда опознает эти лейтмотивы в предлагаемых его вниманию четырех, переведенных Абрамом Эфросом, "Рассказах о Господе Боге". Реакция удивления на имя переводчика вполне возможна. Абрам Маркович Эфрос (1888-1954) известен, прежде всего, как блестящий эссеист, художественный, отчасти литературный критик, искусствовед и литературовед. Переводы (с древнееврейского, французского, итальянского, немецкого) образуют значительную долю его литературного наследия, но к цеховым "переводчикам" отнести его нельзя: переводил он только то, чем жила его личность. Помню чувство неожиданности, даже странности, овладевшее мной, когда в 1955 году, разбирая и изучая архив Эфроса, я прочитал рукопись переводов из Рильке: так не сочеталось в моем представлении мироощущение поэта, приближающееся к самой грани мистицизма, со сложившимся у меня обликом Эфроса, ироника, насмешника, "вольтерьянца", человека в моих глазах иррелигиозного.

Первый источник этого "избирательного сродства" обнаружился почти сразу, ибо он лежал на поверхности: сопереживание мыслям Рильке о творческой личности масштаба Микеланджело как о демиурге, соревнователе Богу в одушевлении и преобразовании материи (Рильке воспринял эти идеи из лирики Микеланджело, которую он переводил и которую впоследствии будет исследовать и переводить на русский язык Эфрос).

Другая сторона ощущавшейся близости - в раздумьях о судьбе России, или, скорее, о ее предназначении. Эфрос принадлежал к тому поколению, чей "страшный путь" (Ахматова) освещали две мировые войны и 1917 год. Вначале активно выступивший против Октябрьского переворота, Эфрос с 1919 года пошел работать в советские учреждения (Музейный отдел Наркомпроса, Третьяковская галерея) - не только потому, что хотел спасти культурные ценности: он осмыслил происшедшее в России как неизбежное и необратимое, "действительное" (в Гегелевском смысле). Но это не закрывало ему глаза на все, что творилось вокруг. Переводы из Рильке относятся, возможно, к 1927 году (рукопись даты не имеет; импульсом к работе могло послужить известие о кончине Рильке 26 декабря 1926 года); около этого времени в лирическом стихотворении (он писал их для себя) у Эфроса появляются строки: "Страна моя, ты тратишь много крови, / Чтоб напоить неверное зерно..." Один из вековечных русских вопросов: "Русь, куда ж несешься ты, дай ответ?" вставал и перед ним. И он, конечно же, не мог пройти мимо истории "Как завелась измена на Руси", где утверждается, что для

русского народа "правда и справедливость" важнее "золота". Не в этом ли постоянном поиске справедливости видел Рильке "оправдание" России? Идея народа-"богоносца" им вроде бы не разделяется, "удрученная ношей крестной" рука Господня у Рильке посещает и другие народы ("Чужой человек"), но вот только происходящее в России поэт считает имеющим прямое отношение к Богу, находящимся "по соседству" с Ним ("Как завелась измена на Руси"). Еще определеннее он высказался в 1900 году, вернувшись из второго русского путешествия: "единственная страна, из-за которой Бог еще держится за землю". Думается, что эти представления, хотя бы отчасти, не были чужды и Абраму Эфросу.

1999 г.
Нюрнберг

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новое литературное обозрение. - М., 1992. - № 1. - С. 123.

² Звезда. - СПб., 1995. - № 1. - С.121. Пер. К. М. Азадовского (выделенные курсивом слова по-русски в оригинале).

³ То же. - С. 118.